
Птицам крошу булку,
Крохам сама рада.
Мартовский ветер гулко
Ухнул калиткой сада.

И открыл окна,
Прошелестел: слушай!
Словно щенок мокрый
Ткнулся в мою душу.

Зреет весна споро.
Хрупают лёд, дышит.
Белого платья ворот
Синим узором вышит.

Мне приоткрылась дверца
В небо совсем другое.
И отозвалось сердце
Ветру и непокою.

Булку крошу птицам,
Крохам сама рада.
Жарко моим ресницам
От твоего взгляда.

Какое прозрачное утро.
Держись за верёвочку дня.
А сверху – спокойно и мудро –
Всевышний глядит на меня.

Хранит от беды и ненастья,
Прощает вину и грехи.
Своей Вседержавною властью
Дарует любовь и стихи.

Любовь долготерпит и длится,
Не может вовек перестать.
А сердце клюёт, как синица,
С Господней руки благодать.

Женщина идёт под снегом...

*Были слёзы – больше глаз.
М. Цветаева
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идёт...
Б. Пастернак*

Женщина идёт под снегом,
По мосту идёт под снегом,
Вся в снегу идёт под снегом.
Небеса потряхнул февраль.
Фонари за нею следом
Шеи вытянули следом
За её нечётким следом.
Золотят её печаль...

Капли на лице – не слёзы,
Это просто снег – не слёзы.
Больше глаз – вот это слёзы!
Шуба мокрая от слёз.
Право же, какая проза,
Зарифмованная проза,
На странице этой прозы –
Женщина, февраль, мороз.

Снег летит небесной манной,
Белой благодатной манной,
Для земли желанной манной.
Кружит снежный хоровод.
Женщину зовут Светлана,
Вся в снегу идёт Светлана,
По мосту идёт Светлана.
Снег идёт – и жизнь идёт...

Врезаны вены рек
Лезвиями мостов.
Мартовский тихий снег,
Яблочный хруст шагов.

Знаешь, я начала
Светлые видеть сны.
Значит, весна пришла.
Дожили до весны!

Снова озноб и дрожь
Тянущих ввысь стихов.
С ветром шальным вдохнёшь
Всё, что вместить готов.

Рядом. Всё ближе, здесь –
Быстрый по венам ток.
Как, из чего – бог весть –
Слова живой росток.

Рядом. Всё ближе, здесь –
Боль и тепло в груди.
Как Ты вместился весь
В Слово? О, Господи!

Собираю землянику
Не в лукошко, не в корзинку.
Нанижу я, как на нитку,
Ягоды да на травинку.

Выйдут бусы – всем на диво.
Будут бусы – загляденье.
Пусть недолго, да красиво,
Чем всю зиму – но в варенье.

Ваия*

Апрель, подступивший прохладным дождём,
Кропит всё и всех, обновляя.
Воскресного дня предвкушеньем живём,
И светится нежная ваия.

Господь-Искупитель взирает с Креста,
Объятыя свои раскрывая.
И вера восходит, крепка и чиста,
И светится нежная ваия.

От жен-мироносиц доносится весть,
Из мрака и бездны спасая:
– Воскресе Христос, возликуйте, Он здесь!
И светится нежная ваия.

Огонь благодатный в дома и сердца
Пришёл, нашу жизнь освещая.
И радости тихой не видно конца,
И светится нежная ваия.

Пасхальный кулич в каждом доме гостит,
Возрадуйся, Русь пресвятая!
И внучка моя на зубок норовит
Попробовать нежную ваию.

*Ваия– веточка пальмы или вербы, освящаемая в Вербное воскресенье.

Прозрачно-синие следы
В плену подтаявшего снега.
От кромки стынувшей воды –
Начало длинного разбега

За грань, незримую черту.
От вдоха шаг до вдохновения.
Ты постигаешь высоту –
И остановлено мгновенье.

Распахнутой души озноб,
И глаз распахнутых озёра.
Пылает воспалённый лоб:
– Успеть, уже стемнеет скоро.

В квадрате серого холста –
Свет. Средоточие вселенной.
Коснувшись чистого листа,
Да будет кисть благословенна.
Да будет вечной красота!

Буковый лес

Прощай, мой буковый весенний лес.
Тебя запомню я, и ты запомни,
Как отражалась синева небес
В глазах моих, дрожащей влагой полных.

Слова и слёзы, слёзы и слова.
Мольба... о чем? Чтобы опять вернуться?
Увидеть, как проклюнулась листва
И стынет в роднике вода, как чай на блюдец.

Какая нежность в ветках кружевных,
По-детски беззащитных, хрупких, тонких,
Обнявших величавые стволы,
Укрывших пташек малых щебет звонкий.

Года, века бредут с холма на холм
Слоновьи ноги буков или грабов,
Замшелые, увитые плющом.
Я рядом с ними маленькой и слабой

Себе кажусь. Дотронусь до коры,
Прижмусь щекой и обхвачу руками.
Безмолвные зелёные миры
Во мне звучат родными голосами.

Март

Прозрачной кровью сок наполнил дерева,
По кольцам годовым поднявшись до макушек.
И старая ветла скрипит: жива, жива, –
Качая на ветвях синичек-говорушек.

– Весна, весны, весной – склоняю вновь и вновь.
Ознобный холодок по венам и по коже.
И далеко ещё до листьев и стихов,
Но каждая строка с побегом новым схожа.

Что для меня Россия? Стук колёс.
Играет ветер с занавеской в прятки.
Вагон купейный задирает нос,
Плацкартный тычет кулаки да пятки.

Ах, сколько вас, обжитых в час иль два,
Меня везло – надёжных и прилежных –
От станции по имени «Москва»
До самых дальних уголков медвежьих.

Названья эти: «Гусь», «Зима», «Тайга» –
Из русской сказки, видно, прилетели.
Белым-белы раскинулись снега,
До облаков почти достали ели.

И мне до неба – лишь рукой подать,
Мне с полки верхней видно до Байкала.
В окно уткнувшись, хорошо мечтать,
Когда б внизу плацкарта не мешала.

– Эй, девушка, скорей спускайтесь к нам,
У нас вина бутылка и гитара.
– Вас как зовут, прекрасная мадам?
Я весело в ответ совру: «Тамара».

И будет петь цыганистый солдат,
И анекдоты побегут по кругу.
Заснет вагон, а незнакомец рад
Всю жизнь свою мне рассказать, как другу.

Тадам-тадам – волшебный стук колёс.
То тут, то там мелькают вёрсты, годы...
Куда, мой поезд, ты меня привёз?
Какие нынче за окном погоды?

На калине весной прошлогодние ягоды рдеют,
Словно капельки крови кропят молодую листву.
Я расправила крылья – зимой они странно немеют,
Я глаза окунула в небесную синь-синеву.

Прошумели дожди, напоили усталую землю.
Пробужденью её удивляюсь, как чуду любви.
Мне казалось, что чуда давно я уже не приемлю...
Я забыла, что в роще опять запоют соловьи.

Терракотовой гроздью рябины
Снова осень в окно постучит.
Смело охру смешает с кармином
И добавит небес лазурит.

Горьковатый и терпкий настой
В пышном воздухе медленно тает.
Рыжий кот облетевшим листом,
Как испуганной мышкой, играет...

Птицы и женщины

Птицы, как листья осенние, падают с веток.
Ветер гоняет, кружит этот ворох живой
Вдоль тротуаров, умытых водой дождевой,
Мимо домов – одинаковых сереньких клеток.

Там, за распятыми окон, зеркально дождям
Катятся слёзы из глаз непрощающих женщин.
В узел небрежный увязаны наскоро вещи,
Но налегке гонит ветер к открытым дверям.

Шаг – но не в дверь, а в манящий колодец окна,
Миг – и летишь, облака невзначай задевая.
Высохли слёзы: да ты не одна здесь такая!
Серая клетка с такой высоты не видна.

Птицы и женщины. Их невесомый полёт
Напоминает круженье в безудержном танце.
Пёрышки крыльев касаются кончиков пальцев –
И... раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...
Всё пройдёт.

Наполнен до краёв январский день.
В нём свет и снег, фиалка на окошке.
На дереве сосульки – динь-дилень –
Пугают зазевавшуюся кошку.

В нём дети воробьишками снуют,
Теряя по сугробам рукавицы.
И в каждом доме – ёлка и уют.
Всё ожиданьем Рождества искрится.

В нём баба Зина с утрени идёт.
Под нос бормочет: «Свёте тихий... свёте».
По небу уходящий день плывёт
На нитке слов, прочитанных в Завете.

Так тишь да гладь да Божья благодать
Сошли на землю тихую и душу.
И всех желаний – мирен дух стяжать,
Всех радостей – молчанья не нарушить.

Ночью – за строчкой строчка –
Трудно стихи пишешь.
Мама окликнет: «Дочка,
Там мне покойно, слышишь?»

Знаю, родная, верю,
Верю той хранима.
Это у нас – потеря,
А у тебя – Радзіма*.

*Радзіма (белорусский язык) – Родина.